

Спутники

Сергей Кусков

1

Если на пульте подцепить пальцем и откинуть небольшую крышку из дымчатой пластмассы, откроется клавиша — вопреки расхожим представлениям, не красного или оранжевого, а серо-стального цвета. Если ее нажать, вспыхнет сенсорный экран дисплея, прежде черный и безжизненный, и на грязно-зеленом фоне появятся ядовито-красные буквы. Под ними — такие же красные прямоугольники с белыми надписями «Yes» и «No». Это система запрашивает подтверждение команды — операция явно бессмысленная (клавишу не нажмешь случайно), но для чего-то предусмотренная.

Теперь нужно коснуться пальцем прямоугольника «Yes» на экране, и запустится программа подготовки зажигания.

Компьютер по ходу работы запросит данные для курса и ускорения, но их ввод можно пропустить — тогда останутся в силе прежние установки, сделанные еще Ричардом. Пока программа работает, хватит времени приготовить себе чашечку кофе, даже, если есть желание, с бутербродом. И спокойно, не спеша выпить.

Через двадцать две минуты шестнадцать секунд (плюс время, потраченное на ввод данных, — но это немного, если не менять установок) на экране возникнет красная надпись: «START». И прямоугольники «Yes» и «No» под ней. Если теперь коснуться прямоугольника «Yes» и три секунды не отпускать палец от экрана, в воронке отражателя главного двигателя «Эридана» вспыхнет пронзительно-сиреневое пламя термоядерной реакции.

Интересно, увидят ли его с Земли?

В телескоп, пожалуй, увидят. Даже, возможно, в бинокль — в хороший бинокль и в хорошую погоду. Но не сразу, а через полтора года, когда свет дойдет до Земли. И не сиреневый, а зеленоватый, или, может быть, вообще тускло-оранжевый — из-за доплеровского смещения.

Полтора года — если Эйнштейн прав, и скорость света не зависит от системы отсчета. Если же он ошибся — ох и долго будет идти до Земли этот свет! Пожалуй, и вправду его там не увидят: рассеется по пути.

По результатам астрономических измерений Сандро сделал осторожный вывод, что Эйнштейн ошибался. Ноль целых девяносто восемь сотых скорости света набрали в видимом соответствии с классическими законами. По Эйнштейну, с ростом скорости должна была расти и масса корабля, а ускорение соответственно снижаться — из полученных данных это не следовало. Док на это возразил, что по теории относительности ход времени в корабле тоже замедляется, вместе с уменьшением ускорения, и замеры, выполненные из корабля, ничего не покажут. Истину они узнают, когда вернутся на Землю и сверят показания часов.

На девяносто восьми сотых они остановили двигатель, и наступила невесомость.

Сандро любил кофе, сваренный в турке, но в невесомости приходилось пользоваться кофейным автоматом. Хорошо хоть кружка обычная, а не эта нелепая посуда с тефлоновым пузырем внутри и трубочкой снаружи. Сосать кофе — как вам?!

ФАНТАСТИКА

Кружка, конечно, обычная только с виду. Сверху затянута сеточкой из тонкой металлической проволоки, в толстом дне — генератор какого-то поля, кажется, электростатического. Поле слабенькое, но жидкость внутри удерживает. А для того, чтобы отпить, надо быстро нажать на ручке кнопку, снимающую потенциал с сетки, резким движением наклонить кружку и сделать глоток.

Единственное неудобство — от работы генератора на человеке накапливаются статические заряды. Неопасные, но, если схватиться за металлические панели пульта, щелкнет чувствительно. Сандро, однако, приспособился пить кофе, надев на руку монтажный браслет с заземлением. Правда, тогда быстрее расходуется аккумулятор в генераторе поля — ну так его и перезарядить недолго.

Сандро сварил в автомате кофе, налил в кружку и вернулся к пульта. (Два часа вахты прошли — по регламенту положен технологический перерыв.) Вынутый из холодильника бутерброд с сыром он, не вскрывая вакуумной упаковки, сунул слегка подогреться в микроволновку. Пока печка работала, он рассеянно постукивал пальцами по пластмассовой крышке, борясь с искушением открыть ее и нажать клавишу. Это было бы нарушением полетного задания, но придало бы хоть какой-то смысл его вахтам у пульта.

Микроволновка пискнула: готово. Сандро вскрыл упаковку, и на запах сыра из своей дырки высунулся Чарли.

Или высунулась? Кто ее (его) знает, в руки он (она) не дается, а издали определить у крысы пол... Марго, пожалуй, смогла бы, но ей это было неинтересно.

Их было четверо: Ричард — командир, Сандро — штурман, Маргарита — врач, и Людвиг — бортинженер. По имени Людвиг никто не звал — только Док. Он и был на корабле главным, несмотря на то что командир — Ричард.

Построить корабль, который выдержит в пустоте хоть тридцать лет, хоть всю сотню, — давно перестало быть проблемой, но стоит ли тратить тридцать лет, чтоб слетать к Плутону и обратно? А двигателя, пригодного для полета к звездам, не было.

Двигатель создал Док. Он начал заниматься им в двадцать пять лет, а когда построили «Эридан», ему было шестьдесят семь. Он мог бы не лететь, но убедил дирекцию проекта, что двигатель требует личного присмотра.

Тут он, конечно, перестраховался. Наверное, ему просто очень хотелось самому проверить работу двигателя. Установка работала как часы — те самые, по которым проверяли теорию относительности. Девяносто восемь сотых скорости света корабль набрал без единого сбоя, а дальше шел по инерции, с выключенным главным двигателем. Вспомогательные включали только на время еды, чтобы создать небольшую искусственную тяжесть.

Через неделю после остановки главного двигателя Док умер. Утром не появился к завтраку, а когда пришли к нему в каюту, делать что-либо уже не имело смысла.

Марго забрала тело в медицинский отсек — вскрывать. Ричард и Сандро ждали в рубке. Завтрак давно остыл. Корабль подрагивал от работы вспомогательных двигателей: Ричард оставил их включенными, чтобы Марго не пришлось резать труп в невесомости.

Закончив, она пришла и молча остановилась в дверном проеме. Ричард посмотрел на нее вопросительно.

— Сердце, — бросила она, скривившись непонятно отчего.

— А подробнее? — спросил Ричард.

— Подробнее — завалю терминами, которые ты вряд ли знаешь. Начинать?

— Я не о том. Причина-то какая? Не было ж никаких признаков!

— Значит, были, — жестко сказала Марго, — а я проглядела.

Голос ее дрожал. «Истерика будет», — подумал Сандро. Наверное, и Ричард это заметил, потому что сразу же пошел на попятную:

— Рита, не казись. Ну, правда, как ты могла заметить, если он сам ни словом?

Обращение «Рита» неприятно кольнуло Сандро. Он как-то попробовал назвать ее так же и получил в ответ жесткое: «Марго!» Командиру, выходит, можно...

— Да и шестьдесят девять лет, — продолжал Ричард, — это, знаешь, и на Земле далеко не все доживают.

— Разумеется, — криво усмехнулась Марго. — Где-нибудь в Африке. Но в стране с нормальной медициной, в стране, пославшей корабль к звездам... Тем более — на самом этом корабле.

— Он же физик, — вмешался Сандро, — считай, всю жизнь у реактора.

— Так ведь не рак, не лейкемия — сердце!

— А сердце, если на то пошло, — вообще наследственность! Тут никто ничего не сделает.

— Много ты понимаешь... — Марго опять усмехнулась. — Слушайте, ребята, у кого-нибудь найдется закурить?

Ричард посмотрел на нее совершенно дикими глазами.

— Откуда?! Сюда же не брали курящих!

Курящих на «Эридан» действительно не брали, чтобы не грузить систему регенерации еще и табачным дымом.

— Посмотри у себя. Там должны быть жвачки с никотином, — сказал Сандро.

— Много ты понимаешь, — снова сказала Марго. — Если б дело в никотине...

Она развернулась и вышла из рубки.

— Куда она? — спросил Ричард. Оба прислушались.

— Кажется, в кухню, — ответил Сандро. — Не завтракали ж, со всеми этими делами.

— Сказать по правде, и не хочется, — заметил Ричард.

«Мне тоже», — собирался сказать Сандро, но не успел: истошно взвывла пожарная сигнализация, и на электронной схеме корабля замигал красным прямоугольник, обозначающий кухонный отсек. Оба вскочили и, столкнувшись в дверях, вылетели в коридор. Сандро был в кухне первым, и он же первый понял причину тревоги: свернув из бумаги самокрутку с какой-то сухой растительностью (чай, или раскрошенный лавровый лист, или что там нашлось в кухне), Марго пыталась ее раскурить.

Днем позже командир поставил вопрос ребром:

— Надо что-то делать с тру... с Людвигом. Мы не можем возить его с собой.

Они и в самом деле не могли. Основной запас продовольствия составляли не замороженные продукты, а концентраты. Морозильные камеры были небольшие, тело туда вошло бы только по частям — предложить такое никто не решился, хотя покойнику, конечно, все равно.

— А как пиратов в море хоронили? — сказал Сандро. — Привязывали ядро к ногам — и в воду.

— Здесь не море, — возразил Ричард. — Будет кружиться около нас спутником.

Маргарита поежилась.

— Да ну, улетит, наверное, — предположил Сандро.

— Вряд ли, — сказал Ричард. — У корабля приличная масса, надо хорошо разогнать, чтобы улетел. Может, лучше засунуть в воронку и включить двигатель на полсекунды?

После недолгой дискуссии согласились, что кремация в двигателе — лучший вариант. Ричард запустил программу, а Сандро взялся вынести Дока наружу. Пока компьютер готовил двигатель к пуску, Марго принесла откуда-то огромный мешок из черной полиэтиленовой пленки — Сандро и не подозревал, что такие есть на корабле.

— Зачем это? — спросил он.

— Завернешь Дока, — сказала Марго. — Пиратов — и тех в парусину зашивали.

Люк шлюзовой камеры был узкий, неудобный. Сандро сначала протолкнул тело, потом вылез сам, закрепил страховочный фал, прикрыл люк — затягивать до конца не стал, только чтоб крышка не болталась. А когда проделал все это, обнаружил, что покойник от него улетел.

По радио он доложил командиру ситуацию и предложил воспользоваться ранцевым двигателем скафандра, чтобы поймать тело.

— Фал не отцепляй, — приказал Ричард.

— Фала не хватит, а то б я и так догнал. Рич, я быстро: отвяжу, слетаю за ним и вернусь.

— Сандро, я, как командир, запрещаю тебе это. Не надо нам лишнего риска. Особенно теперь. Оставь его.

— Что ж, он так и будет мотаться вокруг корабля?

— Ему уже все равно, а тебе... Ты что, покойников боишься?

Сандро невесело усмехнулся и ответил фразой из анекдота:

— Что нас бояться?

Через пару месяцев всех по очереди пробрала какая-то, похоже, прихваченная с Земли, инфекция. Сначала Марго зачихала, несколько дней ходила с красным носом и опухшими глазами. Сразу же за ней захлюпал Сандро. А когда оба чуть-чуть пришли в себя, слег командир. Свалился всерьез: сухой кашель, запредельная температура с потерей сознания и бредом. Марго два дня от него почти не отходила, благо сама уже оклемалась. Колола антибиотики, жаропонижающее, спала урывками...

На третий день наметилось видимое улучшение. Пришедший в себя командир попросил пить. Сандро бросился включать вспомогательные двигатели, Марго — в кухню, приготовить чего-нибудь тепленького и кисленького. Хотя бы чаю с лимонным концентратом. Заодно забежала к себе взять очередную дозу антибиотика и шприц. А когда вернулась к Ричарду, тому уже не нужны были ни чай, ни уколы.

Сандро примчался на ее крик. Минут десять он ничего не мог сделать; затем она уже не выла, а только всхлипывала, и он сказал:

— Марго, не казись. Откуда ты могла знать, как будут мутировать обычные микробы в условиях корабля при субсветовых скоростях?

Она посмотрела на него, снова всхлинула, а потом сказала:

— Понимаешь, второй пациент подряд у меня умирает от того, что я не оказываюсь рядом, когда нужно. Для врача это непростительно.

— Откуда ты могла знать, — повторил он. — Слушай, я надеюсь, его, — он мотнул головой в сторону Ричарда, — ты не будешь вскрывать? И так ведь все ясно.

— Завтра посмотрим, — ответила Марго. И, помолчав, добавила: — Сандро, я думаю, надо поворачивать назад. Мы все равно не долетим.

— Завтра, — сказал Сандро. — Утро вечера мудренее. Иди, поспи.

Она кивнула, немного помедлила, потом поднялась и вышла в коридор. «Посидеть с тобой?» — Вопрос вертелся у Сандро на языке, но вслух он не спросил. Как же он потом жалел, что промолчал!

Проснувшись, он почувствовал запах спирта. В коридоре пахло сильнее, еще сильнее — в каюте Марго, и даже летало в ней несколько шариков жидкости (двигатели он накануне отключил, и наступила невесомость). И еще кружились в воздухе две синеватые таблетки (сильное снотворное — это он узнал потом, когда нашел инструкцию), а третья обнаружилась в пластиковой упаковке на десять мест. Остальные девять гнезд пустовали.

В сознание Марго так и не пришла; да и что он мог сделать? Сунуть ей под нос ватку с аммиаком? Этот запах несколько дней преследовал его по всему кораблю...

Потом Сандро почти убедил себя, что Марго все-таки не покинула с собой. Иначе в подобной ситуации это последняя степень эгоизма, ей никак не свойственная.

Трупы он даже не пытался сжечь в двигателе. Нашел в кладовке еще два таких же мешка, и у «Эридана» стало три спутника.

Мысль повернуть обратно ему в голову больше не приходила.

2

Упаковку от бутерброда Сандро смял в комок и бросил в угол к Чарли. Тот прыгнул навстречу, вцепился когтями, обнюхал. В невесомости он вместе с комком кружился по рубке, хрустя упаковкой на лету. Пленка, пусть и синтетическая, имела все же некоторую пищевую ценность. Так сказать, последний резерв экипажа; но теперь, когда экипаж уменьшился вчетверо, резерв потерял актуальность.

Некоторое время Сандро наблюдал за маневрами Чарли. Тот, руля хвостом, ловко уворачивался от столкновений с твердыми предметами, потом улетел куда-то в угол и скрылся из виду. Тогда Сандро протянул руку к кружке с кофе, которая стояла на краю пульта, зафиксированная спрятанным в дно магнитом. Он не поворачивал к ней головы, а лишь скосил глаза, поэтому не сразу понял, что видит ее на каком-то совершенно непривычном фоне. Вместо бежевого (в этот цвет были покрашены стены) — что-то темно-серое...

Он резко обернулся. Человек, непостижимым образом появившийся у края пульта, выглядел так, как будто попал сюда из офиса солидной фирмы. Или, может быть, с дипломатического приема. Строгий темно-серый костюм в едва заметную полоску, белоснежная рубашка, галстук, неброский, но тщательно подобранный по цвету; начищенные ботинки.

Незнакомец улыбнулся дежурной дипломатической улыбкой и произнес:

— Добрый день.

— Привет, — ответил Сандро хриплым голосом: отпить кофе он не успел. — Ты кто такой?

Он поймал себя на том, что со второго слова (если не с первого) взял хамский тон, но отступить было поздно. Впрочем, незнакомец, казалось, на тон не обращал внимания. Он на секунду задумался, потом сказал:

— Я, скажем так, один из создателей всего этого, — и сделал широкий жест рукой.

— Корабля, что ли? — спросил Сандро.

ФАНТАСТИКА

— Ну, и корабля в какой-то степени. Хотя я-то имел в виду Вселенную.

— Бог, что ли? — голос Сандро снова сел. «Хана, крыша поехала», — подумал он про себя.

— Ну, для простоты можно считать и так, — сказал незнакомец, — хотя вы, кажется, в бога не верите?

— Не верю. Но в качестве временной гипотезы принять могу. А от меня чё надо? — Сандро продолжал хамить, потому что другого выхода в этой ситуации не видел.

— Да можно сказать, ничего... — начал бог, но Сандро перебил:

— Постой! Если ты бог, то вот это... ну, то, что они все умерли, — твоих рук дело?!

Бог покачал головой, и на лице его появилось нечто похожее на сочувствие:

— Нет. Мы вас создали, но управлять вашей жизнью на таком уровне не можем. То есть, конечно, могли бы, но это ж безумно дорого, кто даст денег на такое? На простое наблюдение — и то едва выбили.

«Врет!» — подумал Сандро; но как поймать бога на вранье, он не знал, и поэтому спросил:

— «Мы» — это кто?.. А, ну да, понял: «един в трех лицах».

— Все бы вам упрощать, — проворчал бог и уселся на край пульта, едва не придавив клавиатуру блока курсовых поправок. — Этот ваш мистицизм, вера в магические свойства однозначных простых чисел. «Тройка, семерка, туз»... Ну, не боги мы — всего лишь экспериментаторы! Да, мы создали ваш мир, и вас тоже. Вас — по ошибке, в наши планы это не входило. Когда спохватились, было уже поздно: вы успели слезть с деревьев, понаделали каменных топоров. Просто ликвидировать вас мы не могли.

— Это почему еще? — спросил Сандро, изображая иронию.

— Потому! — строго сказал бог. — Нельзя. Мог бы и сам догадаться... Слушай, мой тебе совет: разворачивайся и дуй обратно! Все равно ведь не долетишь: или свихнешься, или сопьешься.

— Не сопьюсь, — мрачно сказал Сандро. — Спирт месяц как кончился.

— Какая разница, — махнул рукой бог. — В космосе, кроме вас, разумной жизни нет, больше мы таких проколов не допускали. И неразумной-то кот наплакал. Прилетишь домой — так прямо и скажи, можешь на меня сослаться.

— Как это — нет разумной жизни? — оторопело спросил Сандро. — А вы?

— Мы-то при чем?! — раздраженно сказал бог. — Я ж говорю: в космосе. Я сейчас вообще не здесь — в своем кабинете сижу. Здесь — только интерактивная трехмерная проекция. Тоже, кстати, не дешевая. А тебе отсюда к нам не попасть, да, честно говоря, только вас там и не хватало... То, что для вас космос, для нас — экспериментальная установка. Дура такая здоровенная на двух столах, на одном не помещается. Даже не столько экспериментальная, сколько учебная: студенты на ней лабораторные работы делают.

— И по какому же предмету?

— По миротворению. Немножко недосмотрели, в линии рециркуляции завелась разумная жизнь. Истребить нельзя — вот, пришлось принять меры, чтоб вы не мешали. Скорректировали вам свойства пространства-времени, поставили предел в виде скорости света... Ну, дался ж вам этот космос! Нет же ничего и никого!

Десятки вопросов вертелись у Сандро на языке, но начать задавать их сейчас — значило признать безмерное превосходство над собой этих экспериментаторов, сотворивших род людской по ошибке. Поэтому Сандро не стал ничего спрашивать, а только медленно сказал:

— Значит, так. У меня полетное задание — Эпсилон Эридана, и я лечу туда. Остальное вас не касается, и плевал я на ваши пределы.

— А если и долетишь, — продолжал бог, — что ты там увидишь? Ну, звезда, пяток планет. Одну или две, возможно, обнаружишь, остальные проглядишь, потому что телескоп у тебя к тому времени сломается.

— А пошел ты! — бросил Сандро. — Починю.

— Ну, если так, — сказал бог, — я и в самом деле пошел.

Он встал и шагнул к переборке, отделяющей рубку от коридора, — два шага к ней, а третий уже сквозь нее. Он шел так, будто не было ни этой переборки, ни невесомости, — то ли демонстрировал всемогущество, то ли просто в этом месте у него был выход из кабинета.

Бог уже скрылся в стене больше чем наполовину, а Сандро все еще лихорадочно шарил взглядом по пульта в поисках чего-то, что можно запустить ему вслед. Ничего не попадалось под руку, кроме кружки с кофе, и Сандро швырнул ее, но немного опоздал: когда кружка ударилась в стену, видна была только левая нога в тщательно отутюженной штанине и черном ботинке.

От удара с треском отскочила крышка, аккумулятор выпал из гнезда. Генератор поля отключился, и жидкость вылетела из кружки, как будто ее выбросило сжатым воздухом. Еще не остывший кофе обрушился на штанину и ботинок; нога бога дернулась и исчезла в переборке.

Сандро рывком вылетел из-за пульта. Подлетел к переборке, толкнул вправо дверь; его самого бросило влево, и он чувствительно ударился плечом о край проема.

В коридоре никого не было, и только на безворсовом синтетическом покрытии того, что при включенных двигателях становилось полом, остался мокрый, цвета черного кофе след левого ботинка.

3

Хватаясь руками за поручни, Сандро летел по коридору в медпункт. Там имелась (Марго как-то показывала ему) сильнодействующее средство, прекращающее галлюцинации. Название он тогда забыл, но хорошо запомнил внешний вид коробочки.

Так, по внешнему виду, он ее и нашел. Внутри оказались пластиковая кассета с тремя заполненными одноразовыми шприцами, листок с инструкцией и в круглой баночке — тампоны для дезинфекции, смоченные спиртом. Последнее — весьма кстати, ведь спирт давно кончился.

Вернувшись в рубку, он пристегнулся ремнем в кресле, как советовала инструкция, и вколол себе первый шприц. Через четверть часа подействовало. Мозги прояснились до такой степени, что даже слегка заныл зуб, удаленный и замененный протезом за год до старта. Сандро отстегнулся, выбрался из кресла и осторожно выглянул в коридор. След никуда не исчез.

Он вогнал себе еще одну дозу. Думал — зуб совсем разболится, но тот, наоборот, перестал: наверное, понял, что

протезы не болят. След, впрочем, остался на месте, лишь слегка подсох.

Колотся в третий раз Сандро не стал: если крыша продолжает ехать, то и черт с ней. Он сел в кресло, посмотрел на пульт и экраны внешнего обзора. «Кофе еще сварить, что ли?» — подумал он. — Предел, значит. Ну, ладно. Сейчас поглядим, что за предел и где вы его поставили: в пространстве-времени или, может, у себя в мозгах?»

Он решительно откинул крышку на пульте, протянул палец к серой клавише и вдруг услышал за левым плечом голос Ричарда:

— Не делай этого!

Сандро рывком развернул кресло. Ричард стоял в углу. Выглядел он неважно — как человек, перенесший тяжелую болезнь; впрочем, так ведь оно и было.

— Это почему еще? — спросил Сандро.

— Потому что задание... — начал Ричард, но Сандро перебил:

— Оно мне больше не указ.

Ричард с минуту молчал, потом начал:

— Сандро, страна отравила... нет, даже так: человечество отравило нас, чтобы мы достигли звезды и проверили на практике теорию относительности. Пусть мы все... пусть ты остался один — задание никто не отменял.

Ричард, пока был жив, таких слов не говорил, и просто так отмахнуться от них Сандро не мог. Он тоже немного помолчал и сказал:

— Рич, от человечества не убудет, если я достигну звезды в три раза быстрее. И проверить теорию можно разными способами.

Он снова протянул руку к клавише и услышал:

— Сандро, я, как твой командир...

— Нет, Рич, ты мне теперь не командир. Ты умер. С концом. И загробной жизни нет, потому что нет ни ада, ни рая. Вообще ничего нет, только ящик на двух столах, и мы с тобой болтаемся в сливном колене!

Последние слова Сандро почти выкрикнул. Он резко ткнул пальцем в клавишу и сразу же, чтобы ничто не успело его остановить, — в прямоугольник «Yes» на экране.

— Тут ты, пожалуй, прав, — сказал Ричард, постепенно исчезая. — Я действительно уже не командир. Только имей в виду на всякий случай: если нет ни ада, ни рая, из этого еще не следует, что нет и загробной жизни.

Двадцать две минуты шестнадцать секунд (плюс еще секунда-полторы, потраченные на подтверждение курсовых данных) Сандро провел, непрерывно глядя в экран. Кофе готовить он не стал.

Наконец вспыхнула надпись «START» с прямоугольниками «Yes» и «No» под ней. Сандро протянул палец к надписи «Yes», чуть задержался перед тем, как коснуться экрана, и тут за левым плечом раздался голос Дока:

— Что ж, это должна быть интересная физика.

Сандро обернулся. Док стоял в том же углу, где до него появлялся Ричард.

— Это не физика, — махнул рукой Сандро. — Это вроде того лома, против которого нет приема. Тупо вперед на полной тяге — что тут интересного?

— Ну, у меня, положим, некоторым образом личный интерес, — сказал Док. — Понимаешь, если твой безумный эксперимент по прорыву светового барьера закончится успешно, для меня это будет означать, что я всю жизнь занимался ерундой.

— Почему ерундой?! — Сандро даже подпрыгнул в кресле, насколько позволяли ремни.

— Потому что в основе всего того, чем я занимался, так или иначе лежит теория относительности. А ты собираешься опровергнуть ее одним нажатием кнопки.

— Ну уж и ерундой! — смущенно сказал Сандро. — А двигатель?

— А вот это, пожалуй, самое смешное: все, что я сделал в науке за свою жизнь, ты перечеркнешь с помощью моего же двигателя.

Сандро не знал, что сказать. Мелькнула мысль: ткнуть пальцем в «Но» и покончить со всем этим. Потом мелькнула другая — он ухватился за нее, как за соломинку:

— Но почему обязательно «опровергнуть теорию»? Может, просто дополнить? И вообще, может, еще и не выйдет ничего... Док, да вы скоро все увидите! Вы же летите со мной. Спутником, так сказать.

Док покачал головой:

— Нам за световой барьер пути нет.

— Нам — это кому? — не понял Сандро.

— Спутникам, — усмехнулся Док.

— Но почему?! Откуда вы знаете?! Это же совершенно неизвестное вам явление, что вы можете знать о нем?

— Интуиция, Сандро, — снова усмехнулся Док. — Интуиция в науке — это не озарение, а опыт, освоенный подсознанием. А у меня он, этот опыт, такой, что, встречаясь с каким-нибудь абсолютно новым, неизвестным мне явлением, я могу сразу представить некоторые его черты и свойства. Вот и сейчас он мне подсказывает... Не знаю, Сандро, что ты увидишь за световым барьером — другую Вселенную или, может быть, изнанку нашей, — но нас там не будет... Ну, ладно, ты меньше меня слушай. Запускай двигатель, интересно же, что получится!

Эти дни Сандро даже спал в кресле у пульта, чтобы, проснувшись, сразу видеть перед собой экран с текущим значением скорости. «Эридан» приближался к световому барьеру...

— Сандро! — раздалось у него за левым плечом, и он обернулся так резко, что хрустнуло в шейных позвонках.

Марго стояла в том же углу.

— Док сказал, что ты полетишь дальше, а мы останемся. Вот, зашла попрощаться.

Сандро молчал, избегая смотреть на нее. Он не вспоминал о спутниках с того момента, как запустил главный двигатель. Потом поднял глаза и задал давно мучивший его вопрос:

— Рита, а то, что с тобой произошло... это нарочно или случайно?

Сейчас она не возражала против «Риты»!

— Конечно, случайно, Санчик...

Он вздрогнул: Марго никогда раньше не звала его так.

— Я никак не могла заснуть, — продолжила Марго, — высосала флакон спирта — не помогает, хотела взять другой, а потом подумала: есть же таблетки. Проглотила две — опять не помогло, ну, я еще и еще, не считала, и спирту тоже добавила. А потом, наверное, все вместе догнало... Ну, ладно, Санчик, счастливо тебе долететь.

Она медленно таяла в углу, а Сандро смотрел на нее молча и никак не мог выговорить ответное «счастливо оставаться».

Четрыхаясь, Сандро влезал в скафандр. До светового барьера оставалось около часа. Ну, чуть больше, чуть меньше — точного значения скорости света Сандро не помнил. Во всяком случае, должно хватить. Он выйдет в космос, переловит спутников и затащит всех в шлюзокамеру. Успеет, должен успеть!

Что бы там ни говорила интуиция Дока, световой барьер они будут таранить вместе.

В качестве страховочного фала он взял самую длинную веревку, какая нашлась. Вторую, покороче, свернул и прицепил себе на пояс.

Первого из спутников он поймал сразу, как вылез из люка. Ухватил за полиэтиленовую пленку. Она тут же пошла клочья-

ФАНТАСТИКА

ми: космическая пустота не бывает абсолютно пустой, отдельные атомы и элементарные частицы, налетая на полиэтилен с околосветовой скоростью, нарушают его структуру, и он разваливается от прикосновения.

То, что под пленкой, однако, было твердое, прочно схваченное космическим холодом. Первым из спутников оказался Ричард. Сандро попытался просунуть его в узкий люк и понял, что не получится. Когда он вытаскивал тела наружу, они хоть чуть-чуть сохраняли гибкость, а сейчас...

Оставалось одно: воспользоваться большим шлюзом, в который мог въехать автомобиль. Автоматике требовалось около двадцати минут, чтобы сбросить давление и открыть внешний люк, — за это время Сандро рассчитывал переловить и связать покойников вместе. Когда шлюз откроется, он втащит туда всех разом.

Он обвязал Ричарда веревкой. Следующая попалась Марго — обмотал и ее. Оставался Док. Покойники, вращаясь вокруг корабля, сталкивались между собой, меняли орбиты, и Док сейчас кружился дальше всех.

Сандро прикрепил к поясу второй конец веревки, которая связывала Ричарда и Марго, — поймав Дока, он подтянет их к себе и свяжет всех вместе. Потом примерился и оттолкнулся от корабля...

Он почти схватил Дока, но в последний момент что-то рвануло его за пояс. Нет, не страховочный фал — его длины хватило бы. Это были Рич и Марго.

Отпускать их в свободный полет Сандро не решился. Он притянул их к себе и сделал еще одну попытку, но теперь, с дополнительным грузом, не смог правильно рассчитать толчок и промахнулся. И тогда он решил рискнуть — держа пойманных спутников при себе, на пару секунд включил ранцевый двигатель. Получилось удачно — он сразу поймал Дока (пленка, естественно, тут же расплзлась), обхватил его веревкой, следующим витком — всех троих, завязал узел. И все ждал, когда его рванет назад страховочный фал, а рывка не было, и тогда он обернулся.

Импульс ранцевого двигателя пережег фал, и корабль успел уйти довольно далеко. Сначала Сандро гнался за ним, включив двигатель на полную мощность. Потом подумал, что, возможно, еще сможет догнать, если бросит спутников, но все никак не решался это сделать. А потом и бросать стало бессмысленно.

Огонь термоядерного выхлопа удалялся, меняя цвет с голубого на зеленый, желтый, а затем и на тускло-красный — из-за доплеровского смещения. А потом ослепительная инфракрасная вспышка накрыла половину неба, и Сандро понял, что «Эридан» все-таки пробил световой барьер.